

ДУХОВНАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА И ПОРЯДОК НАСЛЕДОВАНИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕНИЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ В XV в.

Статья посвящена вопросу об изменении принципа наследования великокняжеского титула на Руси XV в. и роли второй духовной грамоты великого князя Дмитрия Ивановича в политической жизни Московского княжества в XV в. Проведено сравнение основных положений духовных и договорных грамот московских князей XV – начала XVI в., касающихся вопросов наследования уделов и великого княжения. Сопоставлены данные различных статей самой духовной грамоты Дмитрия. Сделан вывод о том, что вторая духовная грамота Дмитрия Ивановича не дает оснований говорить ни об изменении принципов наследования, ни об их датировке XV в.

Ключевые слова: Северо-Восточная Русь конца XIV – XV в.; межкняжеские отношения; великое княжение; престолонаследие; вторая духовная грамота великого князя Дмитрия Ивановича.

В отечественной историографии образования единого русского государства сформировалась априорная идея о замене принципа наследования великого княжения в конце XIV в. Эту мысль сформулировал Н.М. Карамзин, ссылаясь на договорную грамоту великого князя Дмитрия и князя Владимира Андреевича Серпуховского, где ни слова не сказано о престолонаследии [1. С. 60]. С.М. Соловьев, указав на отсутствие связи этого договора с проблемой наследования и, по сути, на отсутствие аргументов в пользу упомянутой идеи, тем не менее придерживался тезиса о смене принципа наследования великого княжения [2. С. 428, 530].

Интерес ко второй духовной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича возник в силу некоторого кажущегося противоречия, присутствующего в тексте грамоты: «А по грехом, отгьмет бог сына моего, князя Василья, а хто будет подь тем сынъ мой, ино тому сыну моему княж Васильев оудел, а того оуделом поделит их моя княгини» [3. № 12. С. 35]. Исследователи в оценке данного фрагмента текста исходят из предположения, что великий князь смешал наследование удела и великого княжения. Это навело историков на мысль о том, что в тексте подразумевается нечто явно не прописанное. В частности, особенность документа объясняется тем, что данное распоряжение сделано на случай бездетной смерти старшего князя [4. С. 68; 5. С. 59, 105; 6. С. 8–9]. Л.В. Черепнин предложил несколько иную, но близкую по сути формулировку, говоря о «самом важном из московских уделов, с которыми были связаны великокняжеские права» [7. С. 62].

Эта мысль, прижившаяся в отечественной исторической науке, вызывает ряд вопросов. Так, при изучении историографии вопроса и источников, близких по времени создания грамоте Дмитрия Ивановича, можно обнаружить признаки спорности общепринятой точки зрения. Л.В. Черепнин, как известно, объяснял статью о наследовании великого княжения внешнеполитическим фактором (излишним, как представлялось исследователю, сближением старшего сына с будущим литовским великим князем Витовтом). Такое объяснение предложено по причине отсутствия в тексте прямого указания на возможную бездетность старшего сына [7. С. 61].

Не проясняют картины по этому вопросу и летописи, и, что особенно важно, великокняжеские своды второй половины XV в., и восходящие к ним летописи. Летописная информация историкам известна и активно

используется, но практически не учитывается при анализе текста грамот Дмитрия и его потомков. Известно, что во время пребывания в Орде в 1431–1432 гг. князь Юрий Дмитриевич Звенигородский ссылался на грамоту отца. Представитель Василия II боярин И.Д. Всеволожский прямо указывал на претензии своего князя в обход духовной грамоты великого князя Дмитрия Ивановича [8. С. 171–172; 9. С. 249–250; 10. С. 187–188].

Ряд исследователей вообще не связывают смену наследования с разбираемым документом и говорят либо о невозможности сколько-нибудь точно датировать это событие [11. С. 384], либо о времени правления Василия I Дмитриевича [2. С. 428], либо о конце XIV в., но без ссылок на вторую духовную грамоту великого князя Дмитрия [12. С. 42–44; 13. С. 19]. Кроме того, А.С. Мельников выдвинул версию о сосуществовании двух принципов наследования великого княжения одновременно: по старшинству и по прямой нисходящей линии ввиду якобы отсутствия в Московском княжестве четких принципов наследования до конца XIV в. [13. С. 19; 14. С. 105].

Исходя из этого, можно говорить о необходимости возвращения к изучению проблемы наследования великого княжения и роли духовной грамоты великого князя Дмитрия Ивановича в регулировании межкняжеских отношений. При этом важно сопоставить данные этого документа с показаниями других духовных грамот и договоров. В свою очередь, при рассмотрении положений самого завещания великого князя Дмитрия, касающихся наследования, необходимо учитывать содержание других его статей, обычно не привлекающих внимание исследователей политической истории Московского княжества.

В пользу того что принцип наследования великого княжения не меняется ни в княжение Дмитрия, ни после его смерти, свидетельствуют, как известно, духовные грамоты Василия I. Так, в первой из трех грамот, составленной в 1406 г., при определении «опришнины» для княгини-матери присутствует оговорка «Дасть Богъ сыну моему, князю Ивану княженъе великое» [3. № 20. С. 56]. Характерно, что вопрос именно о наследовании великого княжения здесь вообще не поднимается. В третьей духовной грамоте этого великого князя ситуация ничуть не более определенная: «А дасть Богъ сыну моему великое княженъе, ино и яз сына своего благословляю, князя Василья» [3. № 22. С. 61]. Попытка Л.В. Черепнина объяснить данную оговорку тем, что

грамота не была утверждена в Орде, представляется недостаточно убедительной, поскольку механизмы такого утверждения по источникам не прослеживаются, тем более, что Тохтамыш, по наблюдениям самого исследователя, признал великое княжение «отчиной» московских князей [7. С. 60, 92]. В дальнейшем нет свидетельств о попытках ханов Золотой Орды вмешиваться в вопросы, связанные с великим княжением (поездка московских князей к Улуг-Мухаммеду в 1431–1432 гг., как известно, произошла по инициативе самих князей). Кроме того, к 1423 г., когда грамота была составлена, степень зависимости Руси от Орды была весьма условна. В дальнейшем отступления от устоявшихся формулировок, касающихся наследования, в духовных грамотах отсутствуют.

Духовная грамота Василия II, написанная в 1461 г., распоряжений, предполагающих наследование великого княжения по прямой нисходящей линии не содержит [3. № 61. С. 193–199]. Это обстоятельство позволяет говорить о том, что к 1461 г. принцип наследования великого княжения не изменился.

Первая духовная в старшей ветви московских князей, нарушающая обычай и касающаяся внуков завещателя, относится к 1504 г. Таким документом стало завещание Ивана III, составленное, возможно, под давлением наследника, будущего Василия III, с учетом опыта династического кризиса 1497–1502 гг. Здесь впервые говорится о лишении младших сыновей завещателя права на великое княжение в пользу возможного внука: «А которой мои сын не учнет сына моего Василья слушати во всем, или учнет под нимъ подыскивати великих княжествъ или под его детми... ино не буди на нем милости божией, и пречистые богоматери, и святых чудотворецъ молитвы, и родитель наших, и нашего благословения и въ сии векъ, и в будущи» [3. № 89. С. 363].

Характерно, что передача великого княжения самому Василию III является примером следования старому принципу наследования, поскольку обойденным оказывается Дмитрий Внук, чей отец, старший сын Ивана III, Иван Молодой, был великим князем в 1473–1490 гг. Этот вывод подтверждается также текстами договоров Василия III со следующим по старшинству сыном Ивана Васильевича, Юрием Дмитровским, заключенных в 1504 и 1531 гг. Василий был вынужден дополнительно вымогать у брата отказ от великого княжения в пользу племянников. Договор же 1531 г. принуждает дмитровского князя признавать великое княжение наследием «детей» (но не сына) Василия III [3. № 90. С. 365, 367, 368; № 101. С. 416, 417, 418, 419]. Следовательно, даже распоряжение духовной Ивана III, предполагающее передачу великого княжения потенциальному сыну Василию III, не гарантировала последнему возможность такой передачи.

В связи с вопросом о наследовании великого княжения особое внимание обращает на себя устойчивая (с непринципиальными разночтениями) формула в договорных грамотах конца XIV – XV в. Практически в каждом таком тексте можно обнаружить свидетельство особого положения второго сына правящего великого князя либо его второго по старшинству брата.

В конце XIV в. особняком упоминается звенигородский и галицкий князь Юрий Дмитриевич. Текст дого-

вора 1390 г. с серпуховским князем Владимиром Андреевичем гласит: «На семь, брате младший, князь Володимер Андреевич, целуй ко мне крестъ, к своему брату старейшему, к великому князю Василью Дмитриевичу, и к моему брату младшему, ко князю Юрию Дмитриевичу, и к моеи братьи младшеи» [3. № 13. С. 37]. Аналогичное обособление Юрия Звенигородского от более младших братьев увидим уже в договоре великого князя Дмитрия Ивановича с князем серпуховским Владимиром Андреевичем [3. № 14. С. 39–40].

Интересную формулу видим в «докончании» Ивана III с дядей, белозерским и верейским князем Михаилом Андреевичем (1462–1464 гг.): «...на семь на всемъ, брате младшии князь, Михаило Андреевич, целуй ко мне крестъ къ своему брату старешому великому князю Ивану Васильевичу. Держати ти мене себе братом старейшим. И моего брата младшаго, князя Юрия Васильевича, держати ти себе братом же старейшим. А брата нашаго младшаго, князя Ондreja, держати ти себе братом. А нашу меньшую братию, князя Бориса и князя Ондreja, держати ти себе братиею младшею» [3. № 64. С. 208]. Во втором экземпляре так же сформулированы обязательства от имени Михаила Андреевича [3. № 64. С. 210]. Здесь обращает на себя внимание сразу несколько моментов. Во-первых, второй из наследников Василия II, князь Юрий Дмитровский, в «докончании» назван даже «братом старейшим» по отношению к этому князю наравне с Иваном III. Во-вторых, в данном случае обозначена и третья относительно высокая ступенька в княжеской иерархии. Князь Андрей Большой Углицкий поставлен вровень с верейско-белозерским князем, тогда как младшие из братьев стоят в иерархии ниже дяди. В-третьих, двое старших сыновей Василия II названы по отчеству, тогда как трое младших только по именам. И, наконец, еще одна деталь. В отношении Юрия в тексте применен оборот «моего брата младшего», тогда как в отношении Андрея Большого – «нашего брата младшего», в отношении Бориса и Андрея Меньшого – «нашу братию младшую». Из таких особенностей лексики грамоты можно сделать вывод об особом положении по меньшей мере второго из братьев, замена единственного числа (моего) множественным (нашего, нашу) свидетельствует о попечении, которое наравне с Иваном III должен был нести Юрий (и по отношению к самым младшим, по-видимому, – Андрей Большой). Показательно, что сын Ивана III Иван вообще не упомянут в тексте «докончания». Такая иерархия и умолчание об Иване Молодом предполагают сохранение к 1462 г. в Московском княжестве принципа родового старшинства.

Особое положение третьего сына Василия II не было случайностью или разовым эпизодом. Андрей Большой, судя по всему, действительно был застольной фигурой. Именно он стал основной силой известного княжеского «мятежа» в 1480 г., именно его арестовали по приказу Ивана III в 1491 г. (князя Бориса Волоцкого, второго участника этого мятежа, великий князь не тронул). В этом же году Иван III, если верить летописям, обвинил этого брата в том, что тот «думал на великого князя с братьею своею» [8. С. 275; 9. С. 333]; наконец, дети Андрея Большого не получили наследства своего

отца, тогда как сыновья Бориса своими уделами владели до смерти.

Косвенно особый статус второго брата как наследника великого княжения подтверждают упомянутые договорные грамоты старших сыновей Ивана III, Василия и Юрия, заключенные в 1504 и 1531 гг.

Все указывает на сохранение принципа наследования великого княжения по старшинству по меньшей мере до первой трети XVI в.

Следовательно, возникает вопрос о том, как соотносится данный вывод с содержанием духовной великого князя Дмитрия Ивановича. Прямых указаний именно на изменение порядка наследования в тексте его второй духовной грамоты нет. Текст в содержательной части либо был дефектным, либо в нем что-то «подразумевалось». Прежде чем обратиться к тексту грамоты, необходимо остановиться на вопросе о существовавших традициях или нормах, связанных с составлением завещаний. В течение практически всего времени правления потомства легендарного Рюрика существовал общий порядок регулирования отношений в потомстве завещателя. Не позднее времени появления летописной версии предполагаемого «ряда» Ярослава Владимировича своим сыновьям складывается традиция составления завещания, регулирующего отношения только между родственниками, живущими на момент составления завещания. Как следствие, такого рода документы касаются лишь жен и детей завещателей, но не внуков. Ярким примером этого являются и духовные грамоты Ивана Калиты и его сыновей, Семена и Ивана [3. № 1. С. 7–11; № 3. С. 13–14]. Текст самой духовной Дмитрия Ивановича, в котором нет упоминаний о Константине, родившемся незадолго до смерти своего отца и вскоре после составления духовной грамоты, также свидетельствует о правоте в данном вопросе Л.В. Черепнина в той части его утверждения, что бездетная смерть сыновей великим князем не «предполагалась». Первыми традицию нарушат только Иван III и Василий III в 1504 и 1531 гг.

Духовная грамота была юридическим документом, и ее составители должны были стремиться к регулированию всех возможных проблем и аспектов отношений в княжеской семье. Следовательно, Дмитрий должен был оговорить свои распоряжения определенными условиями, если таковые существовали. Этот документ вряд ли мог что-то «подразумевать», поскольку расплывчатые распоряжения завещателя могли привести к конфликтам среди его сыновей. Летописная информация подтверждает сохранение принципа наследования великого княжения по старшинству. Летописи, восходящие к великокняжеским сводам, прямо указывали на права Юрия Дмитриевича в вопросе о наследовании великого княжения [8. С. 171–172; 9. С. 249–250; 10. С. 187–188].

В тексте духовной грамоты Дмитрий Иванович коснулся проблемы великого княжения лишь однажды. Речь шла о благословении великим княжением старшего сына, Василия [3. № 12. С. 34]. Ничего нового с точки зрения наследования великокняжеского титула здесь нет. Василий после смерти отца становился старшим в роду.

Вопрос о дальнейшем наследовании великокняжеского титула в случае смерти Василия I Дмитриевича в

духовной Дмитрия Ивановича вопреки распространенному мнению не обсуждался. Известная клаузула в тексте посвящена именно и только уделам: «А по грехом, отъимет бог сына моего, князя Василья, а хто будет подь тем сынъ мой, ино тому сыну моему княж Васильев оудел, а того оуделом поделит их моя княгини» [3. № 12. С. 35]. Как видим, здесь нет ни слова о великом княжении. Традиционно подразумевается, что территория великого княжества Владимирского входила в удел Василия I либо была с ним связана. Такое допущение ничем не аргументировано, но оно делает необходимым выяснение значения слова «удел» в тексте источника. Такого рода работу позволяет выполнить анализ распоряжения Дмитрия о наделении землями княгини.

Сразу после раздела земель между сыновьями завещатель наделил свою княгиню из земель сыновей: «А се, даю своеи княгине **из великого княженья** оу сына оу своего, оу князя оу Василья, ис Переяславля Юлку, а ис Костромы Иледам с Комелою, а оу князя оу Юрья из Галича Соль, а оу князя оу Ондreja из Белоозера Вольское съ Шаготью и Милолюбский езь. А изъ Володимерских сел княгине моеи Ондреевское село, а ис Переяславских сел Доброе село, и что к ним потягло. А **из оудела своего сына, княжа Васильева**: Канев, Песочну, а исъ сель Малинское село, Лысцево. А исъ княжа оудела изъ Юрьева: Юрьева слобода, Суходол с-Ытею, с-Ыстервою, да село Ондреевское, да Каменское. А изо княжа оудела изъ Ондреева: Верея, да Числов, да село Луцинское на Яоузе с мельницею. А изъ княжа оудела ис Петрова: Ижво да Сяма» [3. № 12. С. 34]. Из приведенного текста видно, что владимирские и переяславские земли (т.е. земли, входящие в состав собственно великокняжеской области), и земли уделов – это разные комплексы территорий. Следовательно, статья, касающаяся передачи уделов умершего старшего брата следующему по старшинству не включает в себя распоряжения о судьбе великого княжения.

Косвенно эту мысль подтверждает ряд составленных в течение XV – начала XVI в. духовных грамот младших московских князей. В их числе можно упомянуть завещания князя Владимира Андреевича Серпуховского, составленное в 1401/1402 гг., и князя Юрия Дмитриевича Звенигородского, написанное в 1433 г. В обеих грамотах прописывается наследование удела при отсутствии прямых наследников. Распоряжение Юрия очень краткое, но определенное: «А по грехом, которого вас богъ отъимет, а не останется после его детеи, ино того оудел темъ, которьи останутся живы» [3. № 29. С. 75]. Владимир Андреевич, видимо, учитывая какие-то семейные обстоятельства, остановился на проблеме более подробно: «А по грехом, отъимет богъ сына которого из сынов моих, а останется его жена, а не пойдет замуж. И сноха моя и своими детми сидит в мужа своего уделе до своего живота, а дань дает ко казне великого князя по уроку, что в сеи грамоте писано. А розмыслит богъ о сносе моеи, и то удел сыну ея, а моему внуку. А не будет сына, а останется дчи, и дети мои все брата своего дчерь выдадут замуж, а брата своего уделом поделятся вси равно» [3. № 17. С. 49].

Упомянутые грамоты составлялись в период противостояния князя Юрия Дмитриевича с Василием I, а

затем – с Василием II. Целью подобного рода нововведений было, по-видимому, уточнить порядок наследования уделов во избежание конфликтов в отдельных ветвях московского княжеского рода, подобных тому, который разразился между двумя его линиями.

В очередной раз оговорка о возможных внуках завещателя появляется в духовной грамоте великого князя Ивана III Васильевича: «А которого моего сына не станет, а не останется у него ни сына, ни внука, ино его удел весь в Московской земле и в Тферской земле, что есмь ему ни дал, то все сыну моему Василию, а братья его у него въ тот удел не вступаются» [3. № 89. С. 362]. Но цель здесь совершенно иная. Можно предполагать, что именно с 1504–1505 гг. усилиями Василия III начинается процесс изменения

принципов отношений между князьями вообще и вопрос о наследовании в частности.

Ссылка на духовную Дмитрия Ивановича является, таким образом, очередным историографическим казусом. Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского», констатируя смену принципа наследования великого княжения, опирался на текст договорной грамоты великого князя Дмитрия Ивановича с князем Владимиром Андреевичем Серпуховским. Недоразумение вскоре было частично разрешено С.М. Соловьевым. Использование частью исследователей в качестве доказательства высказанной историографом мысли второй духовной грамоты великого князя Дмитрия привело к повторению ситуации. По сути, речь идет об опоре на документ, в котором вопрос о наследовании великого княжения не поднимался.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карамзин Н.М. История государства Российского. М. : Наука, 1993. Т. V. 560 с.
2. Соловьев С.М. История России с древнейших времен : в 18 кн. М. : Голос, 1993. Кн. 2. 768 с.
3. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (ДДГ) / под ред. Л.В. Черепнина. М., 1950.
4. Сергеевич В.И. Русские юридические древности. СПб. : Тип. Стасюлевича, 1902. Т. I. 555 (XII) с.
5. Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодалная война в России XV века. М. : Наука, 1991. 286 с.
6. Фетищев А.С. Духовная грамота Дмитрия Донского о наследовании Коломенского удела и традиция наследования выморочных уделов // Экономические и социально-политические проблемы отечественной истории. М. ; СПб. : Ин-т Рос. истории РАН, 1992. С. 3–18.
7. Русские феодальные архивы XIV–XV веков Ч. I. (РФА) М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. 472 с.
8. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 18 : Симеоновская летопись. М. : Знак, 2007. 328 с.
9. ПСРЛ. Т. 25 : Московский летописный свод конца XV в. М. ; Л., 1949. 462 [2] с.
10. ПСРЛ. Т. 26 : Вологодско-Пермская летопись. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1959. 413 с.
11. Пресняков Е.А. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. Пг., 1918. 458 с.
12. Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. М., 1988. Т. 2.
13. Мельников С.А. Правовой режим наследования престола в древней Руси IX – начала XVI в. Историко-правовое исследование. М. : Информ-Знание, 2009. 224 с.
14. Мельников С.А. Наследование престола на Руси и принцип соправительства как факторы централизации // Вопросы истории. 2001. № 11–12. С. 102–108.

Статья представлена научной редакцией «История» 21 июля 2012 г.